Теперь Лил сердито взмахнула руками, чтобы ослабить веревки вокруг туловища.

«Никогда не преуменьшайте «почему» я это делаю. Даже гадать не смеют. Я знаю ваше сочувствие и вашу жалость ко мне. Но даже если это выглядит плохо, просто пожалейте. Не предлагайте свое решение для лучшей жизни».

«Что ты...»

Понимая, что ее язык продолжает выскальзывать из линии, Лил сильно прикусила губу.

«Мне очень жаль. Я сказал слишком много».

«Ты хоть представляешь, как сильно я тебя люблю? Как вы можете вернуть эти слова? Значит, тебе наплевать, даже если мне будет больно?

«Нет, я не отношусь к твоим усилиям легкомысленно. Вот почему мне очень жаль...»

«Не лицемерьте! Если вы действительно сожалеете, вы не сможете этого сказать. Я даже не хочу слышать твоих пустых извинений!

Больше нечего было сказать. На самом деле, Лил действительно жалела о печали Сезара, но она не сожалела о своем решении уйти от него.

«Я уверен, что Сезар встретит чувство полноты, несравнимое с тем, что у него есть сейчас. Возможно, это самонадеянная мысль, но я ее отчетливо чувствую. И я верю, что Сезар тоже это чувствует».

Ведь Лил всегда была уверена, что Сезар был великим человеком.

«Во-первых, я еду в Паничи. Но, как я уже сказал, я не могу продолжать быть капитаном в Лиге, поэтому я возвращаюсь».

«Что ты имеешь в виду в ответ? Куда?»

«Сесброн».

— Ты говоришь о Мирей?

— Да.

"… Был ли я хуже этого герцога?!

«Не поймите меня неправильно. Это потому, что я хочу снять эту оболочку и вернуться к тому, чтобы быть Лилоа. Я хочу жить так, как родился. Я поеду туда, и что бы ни случилось… по крайней мере, я смогу жить как я».

Сезар долго молчал. Казалось, он просто не верил в это. Тем временем Лил ждала его. Она молчала, хотя знала, что Сезар изо всех сил старается подавить рыдания. Ни Лил, ни Сезар не привыкли к слезам, поэтому Сезар сдерживал слезы так же неуклюже, как и Лил. Его слезы, которые невозможно было вытереть, неуклонно падали, как песок в песочных часах. После того, что казалось вечностью, упала капля, а через другую вечность последовала вторая капля. Точно так же хлынули бесчисленные вечности.

"… Я ошибался…»

"…"

"… Я буду следовать за тобой во всем, что ты захочешь…»

"…"

"… Я был неправ. Пожалуйста…»

"…"

"… У меня есть только ты…»

"…"

Сезар глубоко вздохнул.

"… Ты…»

"…"

Но у него перехватило дыхание…

"… Там…»

"…"

Когда у него перехватило дыхание, ему стало трудно произнести хотя бы одно слово. Всякий раз, когда Сезар переводил дыхание, колонна раскачивалась, и тело Лил тряслось вместе с ними. Его боль эхом отозвалась в ее груди. Он продолжал бормотать, но это было слышно лишь изредка. Несмотря на то, что он знал, что Лил не поймет, Сезар нетерпеливо повторил свои слова.

"... Не надо... Оставь меня, не надо...»

«Мне очень, очень жаль. Я должен был осознать это раньше. Мне жаль, что я заставлял тебя страдать все это время. Спасибо вам за все...»

"... , нет...»

"..."

Руки Сезара внезапно нащупали руки Лил из ниоткуда. Лил, которая не знала, когда Сезар развязал себя, поймала его руку в момент удивления. Почувствовав, что рукава его все мокрые от крови, он, казалось, в спешке освободился. Когда ее ладони стали скользкими от крови, которая текла из его запястий, она снова и снова укрепляла свою хватку на его руке, боясь, что потеряет ее.

«Я буду стараться больше... больше... Если только я попробую... Это сработает, не так ли? Ты... делай, что хочешь...»

«Нет, это не сработает».

— Лилоа... Пожалуйста... Это так больно, так сильно...»

Лил положила другую руку на тыльную сторону его ладони. Когда Сезар срочно напряг немного сил, тыльная сторона его ладони, отчаянно выпирающая, никогда не чувствовала себя такой слабой, как сегодня. Его запястье, которое всегда было твердым, теперь неудержимо дрожало. Не выдержав, Лил начала проливать слезы, слушая, как его непреходящая печаль сжимается между зубами. Его хватка, чувствуя надежду, смягчилась от облегчения... Только тогда Лил вывернула запястье между его расшатанными ладонями...

***

Сторожевая башня Колокольной скалы плыла сквозь туман. Не только дно маленькой деревянной бочки, но и ее окрестности были покрыты белесым туманом, он даже затмил солнце.

Сторож, сидевший в башне, ерзал с подзорной трубой, зажатой между ног. Он пришел сюда в попытке избежать кровавого противостояния на палубе. Его должность сторожа была особенно

удобна в такое время. Кроме того, он был частью людей Маренцио. И Маренцио на самом деле не заботилось о его местонахождении, поэтому, независимо от того, сколько боев происходило прямо под ним, никто не был заинтересован в его поисках, давая ему свободу просто напевать скучную песню. Сидя в сторожевой башне, высунув в туман только голову, он чувствовал себя богом, правящим над облаками. Матрос немного потянулся и скрестил лодыжки поверх перил.

Колокольная скала уже некоторое время остается неподвижной. Когда даже солнце не могло наблюдаться из-за препятствий густого морского тумана, поиск островов, которые они могли бы использовать в качестве ориентира, также был невозможен, что делало их карты бесполезными. Более того, капитан и штурман, два самых опытных моряка, которые запомнили морской путь настолько, насколько они могли плыть по нему с закрытыми глазами, были задержаны, поэтому остальная часть экипажа была беспомощна, пока туман не рассеялся. Именно поэтому сторож чувствовал, что все крики внизу бесполезны. Никто даже не мог догадаться, в каком направлении они должны двигаться. При таких темпах это можно было бы считать милосердием и удачей, если бы они не умерли с голоду.

Сторож думал о том, как неторопливо скоротать время, и решил вздремнуть. Песня, которую он напевал, была похожа на колыбельную, и он пел ее непрерывно, как будто она была бесконечной. Однако в какой-то момент текст его песни, которая направлялась в неуказанное место в тумане, остановился.

Рука призрака пробралась сквозь завесу разреженного воздуха. Сторож ясно видел это, и в одно мгновение холодок пробежал по его затылку. Он быстро выпрямил осанку и вытащил подзорную трубу.

Думая, что это, должно быть, была «рука призрака тумана», он вспомнил, что количество кораблей, застрявших в чреве тумана, ведомых этой рукой, было бесчисленным. Это был знакомый миф о призраке, который оставался голодным независимо от того, сколько он ел, и поэтому постоянно протягивал руку, чтобы схватить лодки, которые шныряли вокруг, чтобы наполнить свой желудок другой добычей.

Поскольку моряки были людьми, которые боялись призраков больше, чем смерти, вахтенный торопливо смотрел в подзорную трубу. На первый взгляд, что-то шевельнуло туман. Это было далеко-далеко, но зрение опытного наблюдателя могло уловить даже малейшее движение. Вскоре он понял, что это была не рука призрака. Скорее, это был объект, которого здесь быть не должно. Сторож заподозрил, что он на что-то зря смотрит. Но сомнений в том, что…

«Разве что… флаг?

Флаг. Это был флаг, которого он никогда раньше не видел, и его развевание делало узор непонятным. Сторож знал, что это не один из флагов Южной лиги, и имперские торговые корабли не могли путешествовать сюда в сезон дождей.

У него оставалось мало времени, чтобы подтвердить свои противоречивые домыслы. Можно было бы подумать, что сторожа на кораблях, как правило, соревнуются, как если бы они

мчались, чтобы закончить трапезу, начиная с дуэли о том, у кого лучшее зрение, но такие проявления гордости имели место только в пабах. На самом деле одной самоуверенности и высокомерия было достаточно, чтобы поставить под угрозу целый корабль. Поэтому предположение о том, что сторож их противника не мог обнаружить Белл-Рок, даже не стоило рассматривать. Созерцать это в одиночку было некогда.

В одно мгновение матрос посмотрел вниз и начал кричать.

— Вот корабль!

Постоянные крики на палубе сразу же прекратились, когда тишина заглушила голоса матросов. Затем все их голоса сошлись, как пыль, вынужденная слипнуться на метле.

"... Это военно-морской флот!..»

Раздались безумные крики, за которыми последовали ужасающие крики.

"... Военно-морской флот! Мы все умрем!..

"... Аа Зачем здесь ВМФ?! Какого черта опять?!..»

"... Заткнись, кровавые скоморохи! Хватит поднимать шум по этому поводу!..

Внезапно такелаж натянулся, как будто кто-то взбирался на линию мачты. Сторож изучал флаг противника, не двигаясь, прежде чем взглянул на своего незваного гостя, который просунул голову через перила. Это был Ален, который подошел, чтобы увидеть ситуацию своими глазами. Когда встревоженный сторож передал подзорную трубу, Ален тут же схватил ее.

— нервно сообщил матрос Алену.

«У них много орнаментов на линиях, поэтому я не могу понять, какой из них является их официальным флагом. Как вы думаете, это военно-морской флот?

"..."

Ален был искусен в своей идентификации. Все, включая самого сторожа, знали об этом. Ален несколько лет проработал в имперской купеческой компании, поэтому был знаком со всем, что было связано с аристократией. Благодаря этому опыту его товарищи-моряки теперь также могли легко различать следы аристократического корабля, о которых они раньше не знали. Но на этот раз корабль их противника был немного странным. Сторож, согласившийся с тем, что знания Алена так же хороши, как и у капитана, неловко наклонил голову.

«Но обычно я хорошо узнаю форму Легардона».

Флаг Имперского флота, Королевский флаг Махина и флаг Легардона были тремя флагами, которые символизировали Южный флот, и они также были тремя образцами, которые должен был знать каждый сторож.

Ален пробормотал свою следующую фразу, как стон.

«Это не Легардон…»

— Это так?

Сторож вздохнул с таким облегчением, что не взглянул на выражение лица Алена, и на мгновение на его просветленном лице промелькнула надежда. Он также восстановил самообладание, думая, что на самом деле он никак не мог не заметить паруса Легардона.

Однако Ален дрожащими руками опустил подзорную трубу. Испуганные глаза устремились на его товарища. Глядя на созерцательного боцмана, вахтенный быстро ожесточил улыбку. И, словно высмеивая преждевременный оптимизм этого человека, вскоре раздалось гораздо более жестокое заявление…

«Это… Военно-морской флаг Мондови…»

http://tl.rulate.ru/book/69952/2919904